

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

**КРОВАВЫЕ
ПОДСНЕЖНИКИ**

Владимир Григорьевич Кольчев

Кровавые подснежники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361592

Владимир Григорьевич Кольчев. Кровавые подснежники: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-78974-0

Аннотация

Друзья Фома и Семен серьезно влипли – набрали кредитов, открыли собственное дело, а бизнес прогорел. И остались горе-предприниматели без работы и с огромными долгами. За помощью они обратились к местному криминальному авторитету, и тот легко согласился помочь за небольшую услугу – припугнуть директора крупного предприятия Геннадия Нефелина. Друзья согласились, они пару раз ударили бизнесмена и убежали. А наутро Нефелина нашли мертвым. Дело об убийстве поручили майору Максиму Одинцову. Он арестовал Фому и Семена, но вскоре понял, что те никого не убивали. Расследование, к удивлению майора, показало, что в преступлении замешана одна из самых шикарных женщин города...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	55
Глава 7	65
Глава 8	72
Глава 9	79
Глава 10	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Владимир Колычев

Кровавые подснежники

© Колычев В., 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

По логике вещей, бассейн в фитнес-клубе должен служить источником дополнительных доходов. Но есть еще закон подлости, который может превратить жизнь в цирк злых клоунов. И превращает. Сначала появился бассейн, в котором утонули все доходы, а потом и злые клоуны подтянулись.

– Нормально, пацаны, у вас тут в водное поло играть можно! – ухмыльнулся Радич, плотного сложения мужчина с выпуклыми лобными буграми. Его черные волосы, казалось, были смешаны с блестящим клеем и размазаны по голове. Кость у Радича тяжелая, мышцы железные, и на внешность он дубовый. Улыбка у него добродушная, но взгляд ледяной, пугающий.

– Водный бодибилдинг, – тяжело вздохнул Фома, с досадой глянув на него.

Пришла беда – открывай ворота. Не успело подвал затопить, как Радич появился. Вроде бы не время для занятий, а он пришел, и не трудно догадаться зачем.

Это Фома придумал открыть свой собственный фитнес-клуб – зарегистрировать предприятие, арендовать помещение, сделать ремонт, купить инвентарь и оборудование. Не хотел Семен ввязываться в это дело, но Фома умел агитировать.

С деньгами у них было туго, но можно было взять кре-

дит в банке. Семен склонялся к такому варианту, а Фома выбрал более простой, как он тогда думал, путь: занял деньги у одного своего знакомого, который, как оказалось, имел отношение к реальному криминальному миру. Радич уважал спорт, и Фома уговорил его профинансировать проект. Но «браток» поставил условие – клуб должен находиться рядом с его домом, чтобы он мог там заниматься вместе со своим сыном. Более того, Радич сам предложил арендовать подвал в соседнем доме. Фома согласился и на этом погорел. Вернее, утонул вместе с общим проектом.

Затопило подвал. Очень сильно затопило. Хоть заплыв на байдарках устраивай – такая вот гребля.

– Да нет, это не качалка, – усмехнулся Радич. – Это реальный отстой. По уши в дерьме.

– В том-то и дело, – угрюмо буркнул Фома.

И Семен скривил рот. Из-за аварии в подвал хлынула и обычная вода, и канализационные стоки – получился дурнопахнущий коктейль. Воду можно выкачать, а силовые тренажеры, штанги, гантели, диски, грифы и прочий инвентарь просушить, но вонь останется. Требовался новый ремонт, а на какие шиши? Да и смысла в том нет. Вбухаешь в это дело кучу средств, сил и нервов, а трубу снова прорвет...

– И что делать будем? – спросил Радич, шлепнув кулаком по своей ладони.

– Так это, думать надо...

– Думай. Как деньги отдавать будешь, думай.

– Так это, мы же договорились, с прибыли отдавать будем, – едва слышно проговорил Фома.

Семен кисло взглянул на него. Солидной комплекции у него дружок – накачанная шея, косая сажень в плечах, мышечная масса зашкаливает. Круто смотрится Фома, ничего не скажешь, и среди баранов он лев – важный, высокомерный, неприступный. Но среди львов он, увы, овца. Перед тем же Радичом реально заискивает. Знает, какая сила за ним, поэтому и трухает. А если не знает, то догадывается...

– Какая прибыль? – покачал головой Радич. – Тут сплошные убытки...

– Найдем мы деньги, – сказал Семен.

– Где? – косо глянул на него бандит.

– Найдем.

Инвентарь еще можно спасти – вымыть, высушить, наполировать, а потом продать. Хоть какие-то, а деньги. На работу можно будет устроиться, взять кредит в банке и закрыть криминальный долг, ну а потом потихоньку расплачиваться. Не так уж все страшно, как рисует Фома.

А кредит можно взять под залог малосемейки, в которой жил Семен. Квартирка, правда, записана на маму, но так она же не чужой человек, войдет в положение...

– Что-то воняет здесь... – произнес Радич, глядя на Семена так, словно источником зловония был он, а не фекальная водичка.

Они вышли на морозный воздух. Семен смахнул жменю

снега с козырька над входом в подвал, растер по лицу. Освежиться вдруг захотелось, к тому же холод успокаивает нервы.

– Деньги уже завтра нужны, – с кривой насмешкой глянул на него Радич.

– Так это, срок еще не вышел...

– Не вышел. Но завтра включается счетчик. Сто баксов в день.

– Это грабеж! – вытянулось лицо у Фомы.

– А ты в ментовку сходи, там это объясни. Может, они поверят? – ухмыльнулся Радич.

Он, казалось, ничуть не боялся ментов. Возможно, так оно и было на самом деле. Он же из мафии, а у них там все с ментами схвачено. Семену вдруг стало холодно, и он застегнул куртку.

– Да нет, не надо к ментам... – выжал из себя Фома. – Просто подумать надо, где нам денег взять.

– Ну, есть вариант... – Радич осмотрелся по сторонам. Позднее утро, людей во дворе многоэтажки мало – пожилая женщина в старой каракулевой шубе куда-то спешит, узбек в куртке с поднятым воротником счищает с тротуара снег, но все они далеко, никто из них не в состоянии подслушать разговор. – Сделаете дело, и никаких процентов. Вообще никаких. И срок выплаты продлим, через год отдадите. Нормально?

– А что за дело?

– Операцию нужно сделать, типа, хирургическую. Мужичи-

ку одному мозги вправить.

– Кулаками? – заметно напрягся Фома.

Да и Семену стало не по себе. Что-то не было желания заниматься темными делами.

– Ну, если хочешь, битую возьми, – снисходительно хмыкнул Радич.

– Сильно бить... ну, вправлять надо?

– Чтобы на место встали.

– Значит, сильно, – вздохнул Фома.

– Убивать не надо. И башку проламывать тоже...

– А мы согласны? – нервно спросил Семен.

Убийство – это серьезно, но и за хулиганство можно срок схлопотать. И нанесение увечий – такое же подсудное дело. А ему в тюрьму неохота, ему и на свободе хорошо. С потрясной девчонкой недавно познакомился, закрутил с ней всерьез. Может, и женится на ней. А почему нет? Катя и на внешность красивая, и характер у нее замечательный... У него вся жизнь впереди, а кто-то хочет пустить ее под откос.

– Не, нам это не надо, – хоть и нерешительно, но мотнул головой Фома.

– Ему не надо! – ткнул пальцем в Семена Радич и злобно посмотрел на Фому: – Он мне денег не торчит! Спрос будет с тебя, чувак! А с тебя спрошу, отвечаю!

– Не, найду я деньги, – с бледным видом пробормотал Фома.

– Ну, смотри, если завтра бабок не будет, мы тебя в лес

вывезем. Биты возьмем, чтобы счетчик включить. – Радич плавно поднес кулак к его животу.

Фома невольно дернулся, сгибаясь в поясе, как будто его ударили на самом деле. Страшно ему стало, да и Семена вдруг бросило в озноб. И какого черта они связались с бандитами?..

Радич сплюнул им под ноги, повернулся и направился к своему дому.

– Ну, мы в принципе согласны! – не выдержал Фома.

– В принципе? – остановившись, нехотя повернулся к нему бандит.

– Ну, дело серьезное... Если бы долг на половину скостить...

– На треть, – быстро и твердо проговорил Радич.

– И без процентов?

– Ну, ты жук, в натуре...

– Значит, договорились?

Радич снисходительно усмехнулся и согласно кивнул. Да, он разрешает лоху исполнить собственную волю.

Когда бандит ушел, Семен с осуждением глянул на своего друга и постучал пальцем по виску:

– У тебя с головой все в порядке?

– А где мы деньги возьмем? – подавленно буркнул Фома.

– Дятел ты!

Семен чувствовал себя в западне. Фома хоть и придурок, но все-таки друг. И бизнес они открывали в равном парт-

нерстве, а это значит, что долг перед Радичем совместный, и не важно, кто брал у бандита деньги. Не хотел Семен ввязываться в грязное дело, но и Фому бросить не мог.

* * *

Поздний вечер, холодно, небо темное, как сам космос. Днем было морозно, а к вечеру потеплело, повалил снег, в котором Семен увидел добрый знак. Снег заметет следы, которые они оставят на месте преступления.

Место это уже обозначено... «Терпила» возвращался с работы поздно, машину ставил с тыльной стороны длинного многоэтажного дома. Всегда там ставил, поскольку окна его двухкомнатной квартиры только на эту сторону и выходили. Гаража у него не было, поэтому за машиной нужно было присматривать.

Вдоль тыльной стороны дома тянулась подъездная дорога, на которой жильцы парковали на ночь свои машины. Свободных мест хватало, и можно было даже предположить, на какое из них Гена Нефелин поставит свой «Лендровер». Припаркует машину и пойдет в обход дома, через темноту. Семен и Фома собирались догнать его и посчитать ему ребра. Тут, главное, не переборщить. Но и сопли жевать не стоит. Догнать жертву нужно вовремя, быстро все сделать, но при этом не засветиться, тогда все будет путем...

«Мазда» у Фомы старенькая, салон уже дрянной, но печка

работала исправно. Так тепло в машине, что и выходить не хотелось. И предательские мысли в голове крутились. Хорошо, если Нефелин заночует где-нибудь на стороне, тогда и бить его не понадобится. Но тогда им завтра придется снова быть здесь, а снегопад к этому времени закончится. А еще менты завтра могут тормознуть – за грязные номера. Фома специально гонял машину по грязной дороге, чтобы запачкать их...

Такие же грязные номера были у «Фокуса», который стоял неподалеку, метрах в пяти, на виду. Семен попробовал прочитать задний номер – бесполезно. И цвет кузова не определить – грязь, снег, темнота. Но в машине кто-то точно сидит. Габаритные огни не включены, но дым из выхлопной валит. Греется кто-то в машине. А машина уже давно здесь. Они подъехали, а «Фокус» уже стоял. За два часа никто из него так и не появился.

– Тебе не кажется это странным? – спросил Семен, кивком показав на подозрительный «Форд».

– Что такое? – Фома зачем-то подул на ладони и потер их. Тепло в салоне, а у него руки стынут. Нервы.

– Кто там в машине? Может, ждут кого-то?

– Кто? Кого?

– Ну, может, менты... Нас ждут. – От этого предположения Семен сам поежился.

– Менты?! Откуда они знают? – покосился на него Фома.

– Ну, так на то они менты... Может, нас ждут...

– Да нет... Сейчас гляну...

Фома надел перчатки, рывком вынес тело из салона, но, закрыв за собой дверцу, притормозился. Неторопливо потянулся, разминая затекшие мышцы, а потом, будто нехотя, направился вдоль машины. На «Форд» он даже не глянул. И на обратном пути едва бросил взгляд на подозрительную машину. Вернулся, сел за руль, резко выдохнул из легких воздух.

– Нормально все, мужик там с телкой. Интимом занимаются...

– Что-то долго занимаются.

– А чего им, тепло, темно... и сиденье разложить можно.

– А если срисуют нас?

– Так они задом к нам стоят, – неуверенно сказал Фома и, включив скорость, сдал назад. Только остановил машину, как появился «Лендровер» Нефелина.

Семен покачал головой, глядя на проезжающий мимо внедорожник. Нехорошо они с Фомой встали – им не догнать жертву придется, а, считай, идти наперерез. А если они вспугнут «терпилу» своим видом?..

– Пошли! – заторопился он.

Нефелин управился с машиной быстро, поэтому им даже не пришлось прятаться. Они столкнулись с жертвой нос к носу, в том самом месте, где им никто не мог помешать. Только тогда Семен спохватился: и перчатки он в машине забыл, и наглухо застегнутый ворот спортивной куртки не до упора поднял, лицо видно. Но поздно исправлять положение, надо

бить, и так, чтобы вырубить мужика наглухо. Да и говорить ничего не надо: жертве потом объяснят, за какие грехи его наказали. А их с Фомой задача маленькая – сделать «терпила» больно и обидно. Вырубить, сломать пару ребер, и этого вполне хватит...

Семен ударил практически с ходу – тяжелым крепким кулаком. Но «терпила» неожиданно ушел в сторону, рука провалилась в пустоту, и тут же последовал ответный удар. Нефелин пустил в ход локоть, послав его в голову Семена. Тот подался в сторону, пытаясь восстановить равновесие, но его догнал удар с ноги. Семен даже не успел среагировать – настолько точно и мощно бил Нефелин.

Он пропустил удар в пах и, скрючившись от боли, с утробным стоном опустился на колени. А рядом упал Нефелин. Это Фома срубил его своим коронным ударом. Занятый Семеном, «терпила» пропустил момент, и Фома смог ударить его наотмашь.

Нефелин попытался подняться, но Фома достал его с ноги. Семен очухался, обрел равновесие и тоже ударил – ногой в живот. Раз, второй... И за глаз Нефелину отомстил, и за отбитое «хозяйство».

Нефелин затих, а он продолжал его остервенело бить. Ногами, только ногами. И неизвестно, как долго бы это продолжалось, если бы Фома не потащил его к машине.

– Уроды! – донеслось им вслед.

Это жертва подала голос, но Семену уже не хотелось ее

добивать. Они свое дело сделали, пора уходить. И хорошо, что Нефелин жив...

Глава 2

За ночь выпало много снега, и труп запылило так, что дворник даже не сразу его заметил.

– Я сначала думал, что это сугроб намело, – хрипло рассказывал мужик с испитым лицом. – А как сугроб наместил могло, если ветра не было? Если бы метель мела...

С дворником разговаривал следователь, а Максим Одинцов стоял в сторонке, на фундаментной отмостке – всего лишь по щиколотку в снегу. Видимо, здесь пролегал короткий путь в обход дома, поэтому проход регулярно чистили. В сущности, дворник для того сюда и пришел, чтобы счистить ночной снег. Только начал, как наткнулся на труп.

Вокруг тела он снег не расчищал, этим сейчас занимались эксперты. Личность покойника установить надо, возможные улики найти. Мало ли, вдруг наследили преступники... Но как эти следы найти, если снегу навалило?.. Нет улик, зато «глухарь» уже вырисовывается.

Невеселое настроение у Максима Одинцова, зато вчера ему хорошо было. Звание обмывали. Очередное звание, присвоенное аккуратно к вступлению в новую должность. Все-таки назначили его начальником уголовного розыска. Все-таки есть справедливость на белом свете.

Следователь Загорьев общался с дворником, оперуполномоченный Кустарев тоже работал, эксперты осматривали

групп. Следственно-оперативная группа в действии, а майор Одинцов как бы сам по себе. Но не для того же он к месту подъехал, чтобы свежим воздухом подышать, пора и ему в работу включаться.

Он подошел к труп, склонился над ним. Криминалист Бабакин в это время осторожно открыл портмоне, извлеченное из кармана покойного. Но Максима сейчас больше интересовал способ убийства, чем личность потерпевшего.

Он заметил след от удара на лице – гематому над глазом. Похоже, кулаком ударили, но вряд ли это стало причиной смерти. А крови нигде не видно.

Леня Лисаков ощупал кадык потерпевшего.

– А я смотрю, что-то здесь не так, – глянув на Максима, сказал он. – Точно, похоже на деформацию в изломах щитовидного хряща. Не берусь утверждать, конечно, но думаю, что это и есть причина смерти...

– Нефелин Геннадий Зиновьевич, – прочитал Бабакин. – Шестьдесят девятого года рождения... – Криминалист держал в руке водительские права покойного.

– А как насчет паспорта? – спросил Максим.

Паспорт нужен был, чтобы установить место жительства Нефелина. Вернее, последнее место жительства.

– Пусти! – послышался вдруг истошный женский крик.

Старшина из патруля пытался остановить стройную, хорошо сложенную женщину в черной норковой шубе. Огненно-рыжие волосы, уложенные в стильную прическу, белая

кожа лица, тонкие, подкрашенные бледно-розовой помадой губы, модная сумочка, сапоги на шпильке...

Женщина не выглядела растерянной. Похоже, просто шла на работу, но, услышав об убийстве, приняла эту новость близко к сердцу. Оттолкнув старшину, утопая в снегу, она рвалась к покойнику. Максиму ничего не оставалось, как преградить ей путь. Женщина толкнула его с такой силой, что он едва устоял на ногах. Но все же устоял. И удержал ее. Она трепыхалась в его железных объятиях, дикими глазами глядя на покойного Нефелина, потом обессиленно затихла и повисла у Максима на руках. Как будто парализовало ее... Правда, длилось это совсем чуть-чуть.

Она встрепенулась, выпрямилась и на прямых, негнущихся ногах попыталась шагнуть к покойнику. Ее и без того бледное лицо стало еще блее.

– Спокойно, девушка, спокойно, – сказал Максим, продолжая удерживать ее.

Женщине на вид было за тридцать, но он все-таки назвал ее девушкой. Впрочем, ей сейчас не до комплиментов.

– Кем вам приходится этот человек? – спросил Загорьев.

Одинцов и сам хотел задать этот вопрос, но следователь его опередил.

– Муж... – выдавила женщина.

Максим продолжал удерживать новоявленную вдову и сразу почувствовал, как задрожало ее тело. Вне всякого сомнения, смерть мужа стала для женщины потрясением. И,

судя по всему, неожиданностью.

– Что с ним? – спросила она, надеясь на чудо.

– Ваш муж мертв, – развел руками Загорьев.

Женщина конвульсивно дернулась и снова затихла.

Следователь взял ее за локоть, легонько потянул на себя, и она послушно отстранилась от Максима.

А Максим выбрался за ограждение и подошел к пожилой женщине в наброшенном на голову пуховом платке и теплом пальто нараспашку, словно она вышла из дома на несколько минут. На Нефелину женщина смотрела с неподдельным сочувствием, видимо, хорошо ее знала.

Дом монолитный, с замахом на элитность. В таких домах, как правило, водятся консьержки. Наверное, пожилая женщина одна из них.

Она действительно оказалась консьержкой и охраняла первый подъезд, к которому вчера шел гражданин Нефелин.

– Мария Павловна, скажите, когда Геннадий Зиновьевич обычно возвращается с работы? – спросил Максим.

– Обычно поздно. Когда в десять, когда в одиннадцать. Из Москвы пока доедешь...

– А Геннадий Зиновьевич в Москве работает?

– Ну, не знаю, – пожала плечами Мария Павловна. – Раньше точно работал, сейчас не знаю... У нас тут многие в Москве работают, и все поздно возвращаются... И зарабатывают хорошо... Геннадий Зиновьевич тоже хорошо зарабатывает... зарабатывал, – спохватилась она. – Квартира у них

трехкомнатная, а какой ремонт!..

– Вы так неосторожно на холод вышли. – Максим взял женщину под локоток и повел к подъезду. – Может, и ночью выходили?

– Нет, не выходила, – запахивая пальто, мотнула она головой.

Зайдя в подъезд, Мария Павловна провела Максима в консьержную. Окон, выходящих на улицу, здесь не было, и система видеонаблюдения отсутствовала. Плохо.

– Может, заметили что-то подозрительное?

Женщина покачала головой, сожалея о своей бесполезности.

– Может, кто-то в подъезд вбегал?

– Когда вбегал? – не поняла его консьержка.

– Ну, когда Нефелин обычно возвращается? В районе десяти-одиннадцати вечера... Какие-то подозрительные движения были? Может, убийца пытался мимо вас проскочить?

– Да нет, не проскакивал никто...

– А Елена Владиславовна когда домой пришла?

– Да как обычно, в половине шестого вечера. Она в Пенсионном фонде работает, у них там до семнадцати. Тут рядом. В магазин заглянет, и домой... Всегда в одно и то же время дома, как часики! Одно слово – верная жена.

– А муж какой?

– Ну, не знаю... – отвела взгляд в сторону Мария Павловна.

– Что такое?

– Ну, я сказать ничего не могу... Он ведь летом пропадал где-то. Елена Владиславовна сама не своя ходила... Потом появился. И все, с тех пор как отрезало, каждый вечер дома как штык. Правда, приезжал поздно... В общем, как у них там есть и было, сказать не могу, а то вдруг совру ненароком...

– Значит, Елена Владиславовна как пришла вчера в половине шестого, так больше и не выходила?

– Нет, не выходила.

– Может, подходил к вам кто-то, спрашивал Геннадия Зиновьевича или женой его интересовался?

Консьержка мотнула головой. Никто не подходил и не интересовался.

– Может, чаю, кофе? – спросила она.

Одинцов глянул на нее как на спасительницу. Ему бы сейчас кофе, да покрепче.

– Даже как-то неловко вас утруждать...

– Ну что вы, я с радостью!

Мария Павловна поставила чайник, а он вернулся к месту преступления. Загорьев по-прежнему был занят Нефелиной. Женщина явно находилась в ступоре, на контакт шла неохотно, и следователю приходилось тянуть из нее каждое слово.

Максим осмотрелся. Ближайший к месту происшествия фонарный столб находился метрах в двадцати. Видимо, уби-

вали Нефелина в темноте. За этим могли наблюдать из окон соседнего дома через дорогу, но вряд ли кто-то сможет опознать убийц. Да и не очень-то их было видно из-за заснеженных кустов, которые росли на газоне с торца дома. Возможно, за этими кустами преступники и поджидали Нефелина. Но зачем они напали? Если бы с целью ограбления, то Бабакин бы не нашел у покойника портмоне с деньгами и документами. Может, это было заказное убийство? Или его всего лишь собирались избить, но переборщили?... И такое возможно. Нефелин, видимо, был еще тем гулякой. Если так, то наказать его мог чей-то обиженный муж. Или брошенная любовница решила проучить. В жизни всякое случается, уж кому это не знать, как Максиму...

Одинцов хотел поближе подойти к трупу, но ноги понесли его к подъезду. Он зашел в консьержную, взял кружку с приготовленным для него кофе. Напиток, что называется, с пылу-жару, кипяток практически, но это не помешало выпить его чуть ли не залпом.

– Спасибо! – поцеловал Максим женщину в щеку, благодушно ей подмигнул и повернул назад.

– Да, я тут вспомнила... – остановила его Мария Павловна. – Мужчина вчера вечером заходил, из восемнадцатой квартиры... Он квартиру снимает, как зовут, не знаю... Они с женой совсем недавно переехали... Он мимо прошел, что-то сказал... У меня дверь была открыта, я как раз с канала на канал переключалась, слышно было...

– Что было слышно?

– Ну, как он сказал... Нашли, говорит, время, когда бегать... На ходу сказал. На меня даже не глянул... Молодой мужчина, а мухомористый, как старик, – с укором покачала головой Мария Павловна. – Вечно чем-то недовольный. Хоть бы поздоровался разочек...

– И когда это было?

– Ну, где-то в половине одиннадцатого. Я в это время спать ложусь... – Консьержка осеклась. – Ну, не спать... Спать нам не положено! Просто двери закрываем...

Эти слова Максим дослушивал на ходу, он уже поднимался на четвертый этаж. Доступ в межквартирный холл перегородивала железная дверь, запертая на замок, но к ней выведены были кнопки звонков, и Максим позвонил в нужный звонок.

Но тут дверь открылась, жилец, спешивший, видимо, на работу, переступил порог и, никого не замечая, двинулся дальше. Максим прокашлялся и окликнул его.

– А что такое? – остановился мужчина, со злобой глядя на него.

Среднего роста, тщедушный. Маленькие желчные глазки, по-крысиному вытянутый нос, неопрятный, неприятный. Голос дребезжащий, со скрипучими нотками.

– Майор милиции Одинцов. У меня к вам пара вопросов, гражданин.

– Та-ак! А на каком основании?

Максиму пришлось объясняться: произошло убийство, работает следственно-оперативная группа, уголовный розыск проводит опрос...

– А я обязан отвечать на ваши вопросы? – возмущенно протянул тщедушный.

Максим промолчал, выразительно глядя на него. Но его немой ответ был проигнорирован.

– Тогда извините! Некогда мне!

Одинцов не стал останавливать мужчину, последовал за ним.

Машина жильца стояла у самого подъезда, а возле трупа стояла группа людей, отгороженных от него лентой, колыхавшейся на ветру, перед которой дежурил старшина с автоматом.

Мужчина, казалось, ничего не замечал. Он открыл машину, но Максим удержал его за локоть.

– Не имеете права! – дернулся жилец.

– Вчера вашего соседа убили, сегодня убьют вас.

– Какого соседа убили? – растерялся тот.

Максим подвел его к старшине и показал на тело, темнеющее на фоне снега. Нефелиной уже не было, и следовательно куда-то делся.

– Когда убили? – с бледным видом спросил мужчина.

– Сегодня ночью. Возможно, вы видели убийц...

– Да, бежал кто-то... К этому месту и бежали... Ой! – Он осекся, приложил пальцы к губам.

– Что такое?

– Да нет, не видели они меня. Я из машины только выходить начал... Нет, не видели, – успокоился мужчина.

– Но вы их видели?

– Да, пронеслись галопом... Тут можно по тропинке пройти, а они прямо через сугробы...

– И что дальше?

– Да ничего... Я домой пошел... Ну, бегают и бегают, может, нажрались, а может, наркоманы, кто их знает!

– Как они на человека напали, не видели?

– Нет, не видел... Мне домой надо было, – поежился мужчина.

– А... э-э... – выразительно посмотрел на него Максим.

На этот раз тот понял его с полуслова:

– Олег Емельянович... Ну, можно просто Олег... Кацуров моя фамилия...

– Олег Емельянович, вы в лицо этих людей видели?

– Ну, не скажу, что было светло, но зрение у меня хорошее... Э-э, а вы уверены, что убили именно эти люди?

– Следствие установит.

– Следствие-то установит, а как мне быть? – Кацуров нервно пощипал себя за подбородок. – Ребята-то здоровые...

Снова страх взял его за горло. Вдруг преступники постараются расправиться с ним, как с опасным свидетелем?

– Олег Емельянович, может, мы к вам в машину сядем? Чего здесь на виду стоять?

– Да, конечно! – Кацуров благодарно глянул на Максима и сел за руль.

Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Вы, главное, ничего не бойтесь, Олег Емельянович. Обещаю вам, мы засекретим информацию о нашем сотрудничестве. И опознание проведем так, чтобы преступники вас не увидели... – успокоил его Максим.

– Ну, я не знаю, – замялся тот.

– А если не поможете нам... – Одинцов резко замолчал. Пусть собеседник сам себе нафантазирует, какая кара его ждет.

– Ну, хорошо, хорошо... – зачастил Кацуров. – Рослые такие ребята... В куртках... У одного капюшон был. И еще снизу лицо было закрыто. Но я бы все равно его не разглядел. А на другом шапочка была... Я его, правда, только в профиль видел, ну, когда он через сугроб перебирался. Темно было, поэтому я не могу ручаться за свои слова...

– Ничего страшного, мы с вас никаких обязательств не берем.

– Ну, лоб у него такой покатый... Брови такие прямые. Не вверх там или вниз, а прямые. Горизонтальные, вот. А глаза опущенные. Ну, уголки опущенные. Как бы под углом глаза... Нос правильный, с закругленным кончиком. Губы тонкие... Все, больше ничего сказать не могу...

– Куртка какая была?

– Ну, «аляска»... Говорю же, с капюшоном... У него еще

что-то из кармана вывалилось, когда он через сугроб перепрыгивал...

– Из кармана? – приободрился Максим.

– Ну да, не знаю что...

– А в каком месте они через сугроб перепрыгивали?

– Ну, там!

Кацуров попытался пальцем показать место, но Максим заставил его выйти из машины.

Действительно, даже под слоем снега в этом месте угадывались вчерашние следы. Два человека, следуя параллельными курсами, перебирались через завалы, устремляясь к месту тогда еще будущего, а на данный момент уже состоявшегося преступления. И еще Максим нашел предмет, который мог вывалиться из кармана возможного преступника. Это была перчатка – из дешевой кожи, китайского пошива, ничем не примечательная, если бы не выведенный авторучкой номер телефона. Запись несвежая, цифры нечитаемые, но их можно восстановить. Если по этому номеру удастся выйти на преступника, то гражданин Кацуров оказал следствию большую услугу...

Глава 3

Хорошо было на морозе, холодный воздух ободрял и снимал похмелье, но все-таки в теплом кабинете лучше. И кофе здесь покрепче, чем у Марии Павловны.

Следователь Загорьев ждал результатов экспертизы, ему не терпелось узнать номер телефона, записанного на утерянной перчатке. Максим пригласил его к себе в кабинет, приготовил кофе, достал из шкафа пакет с сушками.

– Как на новой должности? – спросил Загорьев, сделав глоток.

– Должность новая, обязанности старые.

– И не говори...

Михаил Михайлович служил в прокуратуре Бочарова уже давно. Максим знал его очень хорошо, работал с ним по уголовным делам. Сейчас Загорьев работал в следственном отделе, но при той же прокуратуре. Подполковник юстиции, красавец мужчина, замечательный специалист, тонкий знаток человеческих душ.

– Я слышал, у тебя конфликт с Лукомором был?

– Почему был? Мы с ним постоянно в конфликте.

– Опасное дело... – с уважением глянув на Максима, заметил Загорьев.

– Наша служба и опасна и трудна...

Воровской авторитет Лукомор не просто «смотрел» за го-

родом, он имел здесь очень серьезный коммерческий интерес. Сдавал в аренду торговые площади, имел собственные магазины, рестораны, автосервисы. Самый крутой в городе ночной клуб – тоже его собственность. В Бочарове корни у Лукомора очень серьезные.

Коммерческую жилку в себе он почувствовал еще в начале девяностых. Формула «купи-продай» стала его путеводной звездой. Только вот его друзья-товарищи по воровскому бизнесу не оценили его увлечения. Нет бы поднять его, сделать казначеем общака, а они дали Лукомору по ушам. Впрочем, у него нашлись и заступники, которые не одобрили это решение. Мнения разделились уже давно, но до сих пор воровская корона Лукомора находится в подвешенном состоянии. Одни воры признают его титул, другие нет – такая вот ситуация. Впрочем, неопределенность не мешает ему считать себя законным вором и «смотреть» за городом. Фундамент под ним здесь мощный, броневой, и никакой воровской сход его не сдвинет. Может, потому его давние враги с ним и не связываются. А может, и нет уже таких. Время течет, люди вымываются, исчезая в тумане вечности...

Лукомор и сам отлично разбирался в бизнесе, но была у него помощница, которая взяла под контроль его дело – вместе с ним самим. Лукомор собирался жениться на ней, и дело двигалось к свадьбе. Но эта бестия совершила непростительную ошибку – она объявила войну капитану Одинцову. Заказала его, но все два покушения закончились для нее пол-

ным провалом. А еще у Максима была стычка с бойцами Лукомора, в него стреляли. К счастью, он уцелел и в той перестрелке.

Причастность Лукомора к покушению на жизнь сотрудника милиции доказать не удалось. Зато госпожа Семенова уже осуждена. Ей дали пятнадцать лет. Для ее случая это слишком мягкий срок, но уж лучше что-то, чем ничего.

Для Лукомора это большая потеря, разумеется, он точит зуб на Максима. И еще неизвестно, чем это противостояние может закончиться.

– Боюсь, что убийство Нефелина выводит нас на Лукомора, – сказал Загорьев, в невеселом раздумье отстучав пальцами барабанную дробь.

– Это интересно, – заинтригованно повел бровью Максим.

– Нефелин решил заняться бизнесом, купил и установил в городе несколько платежных терминалов. Очень интересная, скажу тебе, идея. Ничего делать не нужно, только автоматы обслуживай и проценты с платежей снимай. Десять процентов с платежа...

– Лукомору такая идея тоже нравится.

– Так в том-то и дело. Нефелин влез на чужую территорию.

– И Лукомор его за это наказал?

– Ну, жена Нефелина не утверждает. Но к ее мужу подходили крепкие ребята, сказали, чтобы он сворачивал свою лавочку, дали срок. Он не испугался, более того, поставил

еще один терминал.

– Шампанского решил попить, – криво усмехнулся Максим.

Он тоже не признавал за Лукомором прав на территорию города и какие-либо сферы влияния, но за ним сила закона, а Нефелин должен был считаться с суровыми реалиями, которые встали у него на пути. Он правильно сделал, что не отступил, но нужно было подстраховаться. Мог бы и в милицию за содействием обратиться. Лукомора хоть и заносит порой на поворотах, но в принципе он не беспредельщик и на встречную полосу старается не выезжать. И с милицией он по мелочам не связывается. А несколько платежных терминалов для него пустяк, он мог бы и подвинуться, если с ним серьезно на эту тему поговорить. Максим бы мог организовать такой разговор, причем совершенно бесплатно, по долгу службы, так сказать. Но Нефелин решил обойтись без милиции...

– Захлебнулся, – кинул Загорьев.

– От Лукомора ребята подходили?

– Ну, есть такое мнение...

– Нефелина так думает или ребята сказали, на кого работают?

– Да нет, не говорили. Но терминалами Лукомор занимается, это его бизнес. Ты же сам сказал.

– Все правильно я сказал, Михаил Михайлович. Но не совсем... Неважные сейчас у Лукомора дела, выдавливают его

из города. Кто такой Никиткин, вы должны знать.

– Да, слышал.

Года три-четыре назад у Лукомора объявился конкурент. Предприниматель Никиткин действовал быстро, нахраписто – профинансировал избирательную кампанию своего человека, который сейчас занимал кресло городского главы, прибрал к рукам строительство и ремонт дорог, благоустройство улиц, вывоз мусора и прочие услуги, оплачиваемые из муниципального бюджета. Лукомор и оглянуться не успел, как Никиткин, он же Фраер, стал могущественной силой районного масштаба. Между конкурентами возникли трения, которые чуть не привели к настоящей криминальной войне. Стороны пошли на компромисс, поделили город, на этом конфликт был исчерпан. Надолго ли?..

– Никиткин тоже платежными терминалами занимается. На своей территории. А это южная часть города, начиная от улицы Советской... Где Нефелин установил свои терминалы?

– Нефелина говорила про магазин «Океан». Это северная часть... Прямо Чикаго какой-то, – покачал головой Загорьев.

– Чикаго не Чикаго, а людей убивают... Разбираться надо, где у Нефелина терминалы, может, его на территорию Никиткина занесло...

В дверь постучали, и в кабинет заглянул Бабакин:

– Можно?

Одинцов усмехнулся зачем спрашивать, если уже зашел?

– Вот, номер установил, – положил на стол заключение эксперта. – Только непонятно, то ли «семерка» там, то ли «четверка».

– Два раза непонятно, – глядя на представленные цифры, заметил Максим.

Две «семерки» в номере телефона. Или «четверки»... А в том, что это был номер телефона, никаких сомнений: код Бочарова просматривался четко.

– Ну что, работаем? – спросил он и потянулся к телефону. Дело вел следователь, как скажет, так и будет. Впрочем, отмашку он даст, в этом никаких сомнений...

* * *

Тихо в мебельном салоне, тепло и даже по-домашнему уютно. Гарнитурная стенка с большой тумбой для телевизора привлекала внимание, но еще больше Максиму понравилась кровать из спального набора. Лечь бы сейчас на упругий ортопедический матрас, затолкать под голову мягкую подушку и вырубиться до утра. Но, увы, нужно работать. Не спать он сюда пришел, и мебель его не должна интересовать. Ему нужен продавец – белокурая девушка, которая поднималась из-за стола. И красивая она, и миленькая. Яркие глубокие глаза небесного цвета, точеные черты лица, изящная фигурка. Улыбка светлая, и ни грамма кокетства в ней. На

Максима она смотрела исключительно как на потенциально-го клиента. На бейсике значилось ее имя – Катерина.

Гриша Кустарев отрабатывал один из возможных номеров, Ожогин взял на себя второй, а Максим занялся третьим. Позвонил на номер, и ему ответил салон мебели «Рубикон», куда он и отправился.

Максим еще не знал, на кого выйдут Кустарев и Ожогин, но ему пока везет. Приятно иметь дело с красивыми девушками. Но будет еще приятней, если эта «царевна» совершит для него чудо – наведет на преступника.

– Я вам звонил, – сказал он, усаживаясь на стул для посетителей.

– Что вас интересует? – мило улыбнулась Катя.

– Меня интересует этот человек...

Максим положил на стол компьютерный портрет. Лицо подозреваемого изображено было в профиль, так, как увидел его Кацуров, – прямая бровь, скошенный вниз внешний уголок глаза.

Катя глянула на портрет, и в глазах ее смутно обозначилось узнавание.

– Вы знаете этого человека?

– А вы почему спрашиваете? – встревоженно спросила девушка.

– Извините, не представился... Майор Одинцов, уголовный розыск... Но мы разыскиваем не только уголовников. Мы разыскиваем и людей, которые пропадают без вести.

Ищем, так сказать, жертв преступления... Возможно, этот человек был здесь...

– Этот человек пропал без вести?.. Когда?

– А вы с ним недавно виделись? – Максим надеялся, что правильно истолковал ее удивление.

– Ну, я не знаю... Может, это и не Семен...

– А он похож на Семена? – цепко спросил он.

– Ой! – Катя побледнела, глядя ему за спину.

Максим обернулся и увидел высокого, атлетического сложения парня в куртке «аляске» нараспашку, входившего в салон. Заметив Одинцова, он нахмурился и, бросив на Максима грозный взгляд, спросил:

– Катя, у тебя проблемы?

Прямые густые брови, опущенные внешние уголки глаз, закругленный кончик носа... Похоже, это тот самый человек с фотографии.

– Семен? – стараясь не вспугнуть его, спросил Максим.

А так хотелось сказать парню, что проблемы не у Кати, а у него самого.

– Ну, Семен. А что такое? – Атлет разминал плечи, не поднимая рук. Похоже, он всерьез готовился к атаке.

– Я из бюро находок.

– И кто что потерял?

– Вы потеряли перчатку.

– Какую перчатку? – насторожился Семен.

– Кожаную. Я вам даже адрес дома скажу. Улица Смолен-

ская, дом четырнадцать.

– Ничего я не терял! – шарахнулся пареньь.

– А чего вы так разволновались, Семен?

– Слушай, ты кто такой?

– Семен, это из милиции! – подсказала Катя.

– Э-э, а что такое? – Атлет выставил вперед руки, отгораживаясь от Максима раскрытыми ладонями, и стал медленно пятиться от него. Но бежать не решался, хотя и подмывало.

Максим сделал шаг, другой. Все-таки случилось чудо, но удачу еще нужно было удержать. А то как понесут кони...

– Семен, есть предложение: вы сейчас во всем сознаетесь, и я оформляю вам явку с повинной.

Одинцов и боксом занимался, и боевым самбо владел на серьезном уровне, но Семен мог оказаться крепким орешком. Вдруг в одиночку с ним не удастся справиться? Да ни к чему напрягаться, если все можно решить миром.

– В чем сознаваться? – вздрогнул от неожиданности Семен и затравленно посмотрел на Максима. Казалось, он готов был сдаться, но не ему, а самой судьбе, которая загнала его в угол.

– Если я вам скажу, то это уже не будет явкой с повинной. В лучшем случае чистосердечное признание.

– А что с ним?

– С кем?

– Ну, мужик там был...

– Которого ты избил?

– Ну да.

– Значит, признаешь свою вину?

– Ну, не знаю... А что с ним?

– Явку с повинной ты заработал. – Максим достал из кармана наручники. – Поверь, это тебе зачтется.

Семен в замешательстве посмотрел на Катю и протянул руки. Максим надел на него наручники. Только тогда он дернулся, будто собираясь бежать, но уже поздно. Да и со свободными руками он бы не ушел...

Глава 4

Нападение было, избиение тоже, а убийства – нет. Семен мотал головой, дико глядя на Максима. Не верил он ему.

– Он же вдогон мне крикнул, уродом назвал! Живой он был!

– Был живой, а потом взял и умер, – покачал головой Максим. – Получил травму, несовместимую с жизнью, и умер...

– Какую травму?

– Кадык ему сломали.

– Какой кадык? Никто не бил его в кадык! По башке он получил, да. В челюсть, а потом... потом я его ногами бил...

– Вот в горло его и ударил.

– Да нет, он лицо закрывал, не мог я в горло!

– Так, давай с самого начала. Как ты оказался во дворе четырнадцатого дома?

– Ну, как... Пьяный был... Сам не знаю, как меня туда занесло... Смотрю, мужик навстречу идет. Там тесно было, а он с дороги не уходит. И еще как врежет мне – локтем в лоб! Вот, шишка осталась! – Вербинский потер лоб над переносицей. – Ну, сначала он, потом я – в ответ. Сначала в челюсть, потом ногами давай, – бухтящим голосом проговорил Семен, угрюмо глядя на Максима.

– Случайно там оказался?

– Ну да.

– А пил где?

– Ну, с другом. С горя.

– С горя?

– Ну, мы с Фомой... с Игорем... клуб в подвале открыли, фитнес-клуб. А подвал затопило. Воду мы выкачали, а дальше что? – Семен говорил сбивчиво, нервно, но при этом старался держать себя в руках.

Не хотел он выглядеть жалким ничтожеством. И правильно делал: впереди тюрьма, срок, этап, зона, там нужны выдержка и самообладание, иначе затуркают.

Максим проигнорировал риторический вопрос, пусть Вербинский сам рассказывает, как он собирался жить после потопа.

– Просушивать подвал надо, проветривать, чтобы не вомяло, ремонт заново... В общем, увлеклись мы. Фома в клубе остался, а меня куда-то понесло...

– Адрес клуба?

– Красноармейская, пятьдесят два.

– Далековато.

– Ну, не близко... Сам не помню, как меня на Смоленскую занесло...

– Одного занесло?

– Говорю же, Фома в клубе остался. В лежку надрался.

– Точно в клубе остался? Может, с тобой был?

– Да нет, я один был...

– Уверен? – Максим пристально смотрел на него, усили-

вая его нервозность.

– Уверен!

– Значит, Нефелина ты сам, в одиночку встретил?

– Ну да, сам... Случайно вышло...

– Случайно Нефелина убил?

– Да не убивал я его! Не бил я в кадык!

– Про кадык я тебе говорил?

– Ну да, говорили, – кивнул парень.

– А про Нефелина не говорил. Не говорил я, кого убили.

– Как не говорили? Вы же только что спросили, кто на Нефелина напал? А кого еще можно было встретить?

– Да кого угодно. И где угодно. Убийство произошло в районе одиннадцати вечера, а в пять часов ты мог встретить одного человека, в шесть – другого, в семь – третьего... Продолжать?

– Ну, я подумал, что вы про потерпевшего... А разве не так? – вымученно улыбнулся парень.

– Я тебе не верю, – покачал головой Максим. – И не случайно все вышло. Ты должен был убить Нефелина, и ты это сделал.

– Да не убивал я!

– Почему я должен тебе верить? Ты говоришь, что был один, а свидетели видели двоих. И следы, которые вы оставили, это подтверждают...

– Какие следы? – растерянно спросил Вербинский. – Снег шел, замело все.

– Да, но перчатку мы нашли. Она в снегу валялась...

Парень опустил голову.

– Кого ты выгораживаешь, Фому? Или кого-то другого?

– Да не выгораживаю я...

– Если Фому, то все правильно. Друзей сдавать нельзя. А если это не друг, тогда и смысла нет выгораживать. В твоём случае не важно, сколько там людей было, ты один или группа лиц. Ты напал на Нефелина из хулиганских побуждений, это само по себе отягчающее обстоятельство. До двадцати лет лишения свободы. Или даже пожизненное... Такие вот, брат, дела.

– Один я был. – Семен еще ниже опустил голову.

– Нет, не один. Это я точно знаю... И еще я знаю, что Нефелина заказали. Знаешь, кто такой Лукомор?

Вербинский кивнул, не поднимая головы.

– Нефелин перешел ему дорогу, и Лукомор его заказал. Не сам, конечно, через посредника... Или сам?

– Никто никого не заказывал! – надрывно, с отчаянием обреченного выдал Семен.

– На нет и суда нет. Мне-то в принципе все равно, заказали Нефелина или нет, мне главное – убийцу найти. И я его нашел.

– Я не убивал Нефелина! – Вербинский поднял голову и затравленно посмотрел на Максима.

– Я тебе не верю.

– Но это так! Если я ему кадык сломал, как он мог обо-

звать меня уродом? – Это был самый настоящий крик души. Вербинский сейчас походил на утопающего, хватавшегося за соломинку.

– Со сломанным кадыком не мог, – согласился Максим.

– Вот и я о том! – воспрял парень.

– Кто слышал, как Нефелин тебя обозвал?

– Ну-у... никто...

– Тогда о чем разговор?

– Ну, Фома видел... В смысле, Игорь... – выдавил из себя Семен. – Игорь Фомин... Мы вместе были... Только я один бил...

– Адрес?

– Ну, Луначарского... двадцать шесть... квартира семнадцать, – чувствуя себя Иудой, вздохнул Вербинский.

– Катя – твоя девушка? – продолжал Максим.

– Катя здесь ни при чем! – встрепенулся Семен, волком глянув на него.

– Она может позвонить Фоме?

– Да нет, она не знает как...

Одинцов позвонил Ожогину и велел ему организовать задержание гражданина Фомина. Юра – парень боевой, с большим опытом по этой части, как-никак в ОМОНе служил. Он бы и сам подключился к этому делу, но ему нужно было дожимать Вербинского.

– Значит, вы вместе с Фоминым были? – спросил Максим, возвращаясь к допросу.

– Ну, были...

– Трезвые, пьяные?

– Ну, пьяные...

– Мы ведь кровь на анализ возьмем.

– Ну, я пьяный был, а Фома нет, – Семен подавленно глянул в сторону.

– А говорил, что Фома в стельку надрался. И как мне тебе после этого верить?

– Ну, не хотел я про него говорить...

– Вы с Фоминым понимали, что вас могут привлечь? Понимали. Вы договаривались не сдавать друг друга?

– Ну, договаривались...

– А ты его сдал... А если ты сдал его, то ты мог сдать и заказчика. Как думаешь, твой Фома дружит с логикой? Он ведь поверит нам, что ты сдал заказчика. И сам его сдаст. А ты останешься в дураках...

– Вот когда сдаст, тогда и поговорим! – с вызовом глянул на Максима Вербинский.

– А он сдаст?

Семен закусил нижнюю губу и отвел взгляд в сторону.

– Значит, был заказчик?

– Не было!

– Не верю... И что ты Нефелина не убивал, тоже не верю...

– Ну, не верите, и не надо!

– Двадцать лет тюрьмы!

– Не было разговора убивать Нефелина! – выплеснул Вербинский. – Не было!..

– А какой разговор был?

– Просто избить его надо было...

– Кому это надо было?

– Ну, есть один человек...

– Кто такой, как зовут?

– Я не могу этого сказать.

– Фомин скажет. Даже не сомневайся. Чтобы в дураках не остаться, скажет...

– А он и так в дураках!.. Это все из-за его дурусти!

– А подробней можно?

– Денег он у бандитов занял. На бизнес. Кто его об этом просил?

– А бизнес прогорел?

– Утонул, – с горечью хмыкнул Вербинский.

– А по долгам нужно платить... И кому вы должны?

– Ну, есть один человек...

Максим нажал на кнопку звонка, вызывая конвоира.

– Ты пока в камере побудь, а мы Фоминым займемся. Он нам все расскажет... И как ты Нефелина убил, тоже расскажет. Чтобы шкуру свою спасти. Или ты в нем не сомневалась?

– Не сомневаюсь, – твердо проговорил Семен, но в глазах его Максим увидел другой ответ, противоположный сказанному.

– А я сомневаюсь, – усмехнулся он. – Это же Фоме заказали Нефелина? Он же заказ принял, да? И тебя в это дело втянул. Или не так?

Вербинский скосил взгляд в сторону, тем самым подтверждая предположение майора.

– И деньги у бандитов одолжил, и тебя в дерьмо втянул. И сам дерьмо... Поверь, я таких живчиков как облупленных знаю. Он даже не станет говорить, кричал вам там вслед Нефелин или нет. Просто скажет, что ты в горло его ударил, и все. А ситуация, парень, такая: кто первый из вас вину на другого свалит, тот и прав... Ты вот не говоришь, что Фомин в горло ударил, а он про тебя скажет. И заказчика сдаст. И ты по всем статьям крайним останешься...

Максим повернул голову к решетчатой стене, глянул на стоящего за ней дежурного сержанта и велел увести подозреваемого.

– Подождите! – не выдержав морального прессинга, встрепенулся Семен.

Одинцов жестом дал отбой конвоиру.

– Что-то хотел сказать?

Вербинский кивнул, плотно сжав губы.

– Говори, у тебя мало времени.

– Радич его зовут. Он сказал, что Нефелина избить надо, – выжимал из себя Семен. – Не убивать, а избить.

– Чем он ему не угодил?

– Без понятия.

– Кто по горлу Нефелина ударил?

– Никто... Он меня ударил. Ушел от удара и локтем в лоб.

Если бы не Фома... Крепкий мужик, может, каратист... Мы когда его ногами били, он голову закрывал, и горло тоже. Не могли мы ему кадык сломать...

– А кто мог?

– Ну, не знаю... Там какая-то парочка была... Ну, когда мы в машине сидели, Нефелина ждали... Мы подъехали, а там «Форд» стоит, движок работает. А в машине парочка...

– И что?

– Мы на дорогу выехали, я глянул, а из «Форда» мужик вышел. Кажется, он к Нефелину пошел. Ну, в ту сторону...

– Так кажется или пошел?

– Ну, я точно сказать не могу, не до него было... Может, он Нефелина добил?

– Зачем?

– Не знаю, – пожал плечами Вербинский, осознав абсурдность своей версии.

– Зачем тогда говоришь?

– Ну, кто-то же убил Нефелина.

– Кто-то и убил. Тут я с тобой не могу не согласиться...

Максим понимал, что выкручивается парень, не желая брать на себя всю тяжесть вины. Дай ему волю, он кого угодно к делу пришьет, лишь бы себя оправдать. Но, скорее всего, будет валить все на своего дружка. А тот, в свою очередь, оговорит его самого. И будут они состязаться во вранье до

тех пор, пока суд не вынесет приговор. Слишком хорошо Максим знал, как это бывает...

Глава 5

День не задался с самого утра. Сын с температурой проснулся, жена попросила отвезти его в больницу, а Радич послал ее лесом. Какая может быть больница, когда температура едва за тридцать восемь показывает. Он в армии с такой температурой кросс на десять километров бегал, с полной выкладкой. Ольга закатила сцену, пришлось ее успокаивать – пощечиной. Все бы ничего, но Сашка это увидел, заорал, забился в истерике. Пришлось валить из дому – пусть сами там разбираются!..

А на работе Радича ждала неприятная новость. Железная балка с тросов сорвалась и рухнула на дорогой джип. А машина, как назло, не застрахована. Радич принял решение восстановить ее за свой счет. У него же свой автосервис, как-никак жестянщик есть, маляры, все такое. Раз уж такой косяк приключился, надо его выравнить. Репутация фирмы, все дела.

Он, успокоившись, уже собирался уезжать домой, как появился хозяин несчастливой джипа. Мужик вломился к нему в кабинет, нагло потребовал объяснений. Крутым себя вообразил. Ну да, «крузак» у него за четыре «лимона», норковая куртка, часы «Ролекс». Свиное рыло почувствовало себя хозяином в калашном ряду. А настроение у Радича было не в дугу.

Мужик понял, что не на того нарвался, сдал назад, но было уже поздно. Мощный удар в челюсть сбил его с ног, и он присел на колени. А Радич схватил его за ворот, с силой потряхнул и заорал:

– Ты на кого свой хавальник раскрыл, «терпила»?

– Блин, ты мне челюсть сломал! – простонал мужик.

– А ты ментам пожалуйся! Посмотришь, что с тобой будет!

– Ты хоть знаешь, кто я такой? – сквозь стоны проговорил мужик, чем окончательно взбесил Радича.

Тот начал избивать его, а когда немного пришел в себя, мужик неподвижно лежал на полу.

– Эй, мужик, ты чего? – обеспокоенно спросил Радич. И приложил пальцы к яремной вене. Пульс, слава богу, был. Значит, будет жить доморощенный крутован.

Он привел мужика в чувство, объяснил ситуацию, сказал, что с мафией лучше не шутить, и отправил восвояси, пообещав починить разбитую машину.

В кармане запиликал мобильник. Радич вынул трубку, глянул на дисплей. Вася Баклажан на проводе, правая рука Лукомора.

– Ты где? – Баклажан спросил вроде бы спокойно, но Радич уловил напряжение в его голосе.

– Ну, на сервисе...

– Как дела?

– Да нормально все.

– Уверен?

– А что такое?

– А ты не в курсе? Жди меня на месте, сейчас подъеду, объясню.

В трубке послышались короткие гудки. Радича бросило в жар. Похоже, «терпила» оказался реально конкретной шишкой... Нет, он, конечно, объяснит, как было дело, Вася его поймет и простит. Но это будет в финале, а в процессе можно «поймать леща». Удар у Баклажана будь здоров...

Радич обхватил руками голову, и в этот момент в кабинет кто-то вошел.

– Начальник, у меня там с электрикой какая-то фигня, – сказал молодой здоровенный парень с короткой спортивной стрижкой. Еще молоко на губах не обсохло, а он уже понты колотит, к серьезным людям без разрешения вламывается. Глаза сияют, улыбка до ушей...

– Завтра подъезжай, поздно уже! – сквозь зубы процедил Радич.

– Да мне сейчас надо, командир!

Парень вплотную приблизился к нему. Радич порывисто вскочил, чтобы схватить его за грудки, но его правая рука вдруг оказалась в жестком захвате. Парень с силой рванул ее на себя, и Радич согнулся пополам, грудью опираясь о стол.

– Спокойно, Радичев! Спокойно!

В кабинет зашел еще кто-то. Этот человек схватил Радича за левую руку, заломил за спину, состыковав ее с правой. На

запястьях защелкнулись наручники.

– Вы кто такие? – прохрипел Радич.

– Майор Одинцов! Дальше продолжать?

– Не надо...

– Догадываешься, почему мы здесь?

– Догадываюсь. Развелось шушеры стопонтовой!

– Это ты о ком?

– Да подъехал тут один, я ему рога обломал...

– Когда это было?

– Да только что!

– Где?

– Здесь!

– Радич, зима на улице, там пургу и без тебя делают! Кому ты Нефелина заказал?

– Нефелина?!

– Не знаешь такого?

– Не при делах, начальник! А что такое?

Душа вдруг покрылась изморозью. Дошло до Радича, зачем Баклажан звонил. По той же причине и менты нагрянули. Что-то пошло не так в деле с Нефелиным.

– А ты не знаешь?

– Понятия не имею! Ты, начальник, базар фильтруй!

Сильный удар в левую почку выжал из Радича жуткий стон. От боли он бы сполз на колени, если бы молодой мент не прижимал его к столу.

– Базар ты фильтровать будешь. Когда в хату заедешь.

– Напугал!

– В пресс-хату, – уточнил Одинцов. – Тебе за Нефелина долго мотать. Будешь весь срок крылышками на жердочке махать... Кто Нефелина заказал?

– Не знаю, о чем ты...

– Сын у тебя, да? Жена? – вкрадчиво спросил Одинцов.

– Ты их не трогай, понял?!

– Ты ничего не попутал, Радич? Кому твоя жена нужна? Тебе она нужна! Ты о ней думать должен! А тебе срок за убийство мотать. Это надолго...

– Какое, на хрен, убийство?

– Твои отморозки Нефелина убили.

– Гонишь, майор! Не убивали его! Не было такой команды!

– Была команда. Убили Нефелина!

– Я такую команду не давал!

– Да? Ну, тогда спишем на твоих отморозков, а тебя отмажем... Ну, если скажешь, кто тебе Радича заказал.

– Так это...

Радич крепко задумался. Нельзя сдавать Баклажана, братва ему этого не простит. Тогда и ему достанется, и жене с сыном. Ольга хоть и стерва, но любит он ее. И сын ему очень дорог. Надо будет, почку ему отдаст, не задумываясь. А надо будет, и сердце... Поэтому и нельзя ему в тюрьму. Никак нельзя.

– Слышь, начальник, сейчас Баклажан подъедет. За Нефе-

лина базар будет. Ты «жука» здесь поставь, он тебе на «жука» все скажет... А я ничего говорить не буду...

– Значит, Баклажан?

– Я больше ничего не скажу, начальник... – простонал Радич.

– Ну, можно и так сделать... Смотри, если финта дашь, я тебя братве сдам! – Одинцов поднес к его глазам диктофон. – Здесь записано, как ты Баклажана подставлял...

– Не подставлял!

– Я смотрю, ты реально идиот... Гриша, отпусти его.

Молодой мент ослабил хватку и отошел в сторонку. Радич разогнулся, глянул на него с бессильной злостью. И на Одинцова посмотрел глазами загнанного оленя. Похоже, выбора у него не было.

Менты ушли, оставив его в кабинете, а вскоре появился Баклажан. Радич протянул ему руку, а в ответ получил хук справа. Он еще не успел упасть, как его догнал удар с ноги.

– Кто тебя, урода, просил Нефелина «мочить»? – заорал Баклажан.

– Так никто не «мочил»! – поднимаясь с пола, зло глянул на него Радич.

– А почему тогда он в морге?

– Ну, ты же говорил замесить Нефелина!

– Говорил! Замесить этого козла, говорил, а не «мочить»!

– Так это, переборщили, по ходу...

Радич прозевал момент, и сокрушительный удар в че-

люсть опрокинул его на пол. Во рту что-то хрустнуло, острая боль прострелила мозг, на язык попал кусок сломанного зуба. Похоже на перелом.

– Не переборщил? – спросил Баклажан, с издевательской усмешкой наклоняясь к нему.

Радич мотнул головой. Он смотрел на своего босса люто, исподлобья, с пожеланием адских мук. Пусть менты сожрут его с потрохами!

– Если что, я тебе Нефелина не заказывал, ты меня понял? – спросил Баклажан.

Радич кивнул.

– На себя все возьмешь, иначе... – Вася провел пальцем по своему горлу и повернул к выходу.

Но далеко уйти ему не дали. Менты повязали его вместе со всей его свитой, а вскоре и на самого Радича надели наручники. Баклажана отправили в управление, а его повезли в больницу. Оказывается, у него действительно была сломана челюсть...

Глава 6

Неважно утро начиналось. Похмелье на всю голову, выезд на убийство, дурное предчувствие насчет «глухаря». Зато день удался, особенно хорош был вечер. И убийцы задержаны, и заказчики. Вот тебе и «глухарь»...

«Если что, я тебе Нефелина не заказывал, ты меня понял?» Одинцов нажал на кнопку диктофона, обрывая запись.

– Значит, не заказывал ты Нефелина? – спросил он, с усмешкой глядя на Баклажана.

Мощный мужик. Массивная голова, тяжелые, литые черты лица, и лоб у него, казалось, двойного бронирования. Казалось, из-за лобной кости, которая выступала вперед, нависая над глазами.

– Не заказывал! – От злости у Баклажана дернулась щека. – Сам же слышал, я там ясно сказал, что не заказывал!

– А на Радичева зачем наехал? Не просил ты его Нефелина «мочить»?

– Не просил! Так что не надо мне здесь вправлять!

– Ты, Горников, Нефелина заказал. Ты! Вопрос: зачем? Кому Нефелин дорогу перешел?

– Гонишь, начальник! Я не при делах! А этот сенс знаешь куда себе засунь, – скривился Баклажан, кивком показав на диктофон. – У тебя санкция на прослушку есть? Нет!

– Уверен, что нет?

Все верно говорил Баклажан: доказательство получено без разрешения суда, поэтому его признают недействительным. И Радич откажется от показаний против него. У него семья на воле, мало ли что с ними может случиться, если он не одумается.

– Уверен! – с вызовом усмехнулся Баклажан.

– А если Радичев даст показания?

– Он меня сдал? – Вася презрительно скривился и смачно сплюнул в сторону от себя.

Максим с возмущенным удивлением посмотрел на него, обогнул стол, подошел к задержанному, велел ему подняться и снял с него наручники. А затем со всей силы ударил его лбом в переносицу. Баклажан рухнул как подкошенный. Никакое двойное бронирование ему не помогло. Одинцов схватил его руки, заломил их за спину, окольцевал и, вернув Баклажана на место, угрожающе проговорил:

– Ты со мной, гнида, шутки не шути! Я с тобой тут церемониться не собираюсь! И за Любу ты, падла, ответишь!

– Эй, я не при делах! – вскинулся Баклажан.

Была у Максима любимая женщина. Не так давно ее похоронили. Они гуляли в лесу, когда появились бандиты Лукомора. Их было четверо, все с дробовиками. Люба увидела их первой и успела припасть к земле. Максим ответил огнем, бандиты отступили, на этом все и закончилось.

Люба тогда не пострадала. Она погибла спустя несколь-

ко минут после того, как бандиты скрылись в лесу. Ее убил снайпер, нанятый госпожой Семеновой. Он стрелял в Максима, а попал в Любу, так уж вышло... И Лукомор тогда отправил по его душу своих бойцов, и его боевая подруга снарядила снайпера...

– Как же не при делах? А кто отморозков за мной отправил? Ты отправил! Тебе Лукомор отмашку на меня дал!

– Да не на тебя... – скривился Баклажан. – И не Лукомор... Пацаны на охоту чисто вышли, крякву пострелять...

– И Любу за утку приняли?

– А я знаю, что на Матюху нашло? Крыша у него съехала, сдуру он пальнул.

Увы, но и Лукомор тогда выкрутился, и сам Баклажан. Наказали только их бойца, который стрелял в Любу. На охоте они были, на людей каких-то вышли, у Матюхи ум за разум зашел, все такое. Такова была официальная версия. Никто из бандитов Баклажана тогда не сдал. И снайпера тогда взяли, но тот про Баклажана даже не слышал. У Семеновой был свой человек, далекий от лукоморской братвы.

– Не сдуру он пальнул. Твои пацаны Любу пасли, за ней они поехали...

– Да не при делах они! Нет на них крови!

– Это ты так говоришь. А я скажу, что ты за ними стоял. И я точно это знаю. Доказательств у меня нет. И не надо. Я на тебе за Нефелина отыграюсь. Ты меня понимаешь?

– Не заказывал я Нефелина!

– А кто Радичеву челюсть сломал?

– Не знаю! Может, вы?

– Радич на тебя заявление писать не будет. И не сдаст он тебя. – Максим смотрел на Баклажана пристально, как будто пытался загипнотизировать взглядом. – Я могу, конечно, на него надавить, но у него семья, сын, вдруг мы за ними не уследим? Да и не хочу я, чтобы тебя сдавали. Я хочу, чтобы ты сам сознался, и заставлю тебя это сделать. Считай, что я пошел на принцип. Из-за особого к тебе отношения... В тюрьме ведь не только воровская власть, правда? И менты там козлы, честных арестантов обижают, так?.. Как бы тебя там не обидели, Баклажан... Ты меня знаешь и должен понимать, шучу я или нет. Я не шучу. Все очень серьезно.

Баклажан понял, вжал голову в плечи, опустив глаза. И куда только вся бравада делась!

– Сегодня спи спокойно, Вася, – дожимал его Максим. – Сегодня с тобой в хате ничего не приключится. А завтра... Не буду говорить, что будет завтра. Пусть это станет для тебя сюрпризом.

– И не боишься? – дрогнувшим голосом спросил задержанный.

– Главное, чтобы ты ничего не боялся.

– Так нельзя, начальник! Это беспредел! – Баклажан подавленно взглянул на Максима и снова опустил голову.

– Такой вот я плохой мент. Можешь пожаловаться на меня в прокуратуру.

Вася промолчал.

– Думай, Горников, думай. У тебя еще есть время.

Максим взял бланк, стал заполнять «шапку» протокола. И все время, пока он это делал, Баклажан пребывал в тяжком раздумье.

– Ну что, начнем, гражданин Горников? – Одинцов собрался начать допрос заново, но уже под протокол.

– Хорошо, это я заказал Нефелина, – сдался Вася.

– Причина?

– Ну, скажем так, личная неприязнь.

– А может, платежные терминалы?

– Ну, может, и платежные терминалы...

– Насколько я знаю, платежные терминалы – это бизнес Лукомора.

– А кто отвечает за этот бизнес? Я отвечаю. Так что Лукомор не при делах...

– Не сдашь Лукомора?

– Не сдам... Да он про Нефелина и не знает. Можешь подъехать к нему, спросить.

– И спрошу, не сомневайся.

– Только на меня не вали. Я Дмитрия Андреевича не сдавал, не сдаю и сдавать не собираюсь.

– Ты за него срок отсидишь.

– Не за него. За себя. И много не дадут... Я не давал команду «мочить» Нефелина. Его не должны были убивать. И если Радич накосячил, я не виноват.

– Виноват. Ты эту кашу заварил, тебе и расхлебывать. Организация убийства тебе светит. Лет на десять сядешь, и то в лучшем случае.

– Не надо меня вентилировать, начальник. Я все прекрасно понимаю... Дмитрий Андреевич не при делах, это мое последнее слово. Хочешь – прессуй, что хочешь делай, я тебе ничего не скажу.

– И запрессую.

– Не запрессуешь, – с фальшивым пренебрежением усмехнулся Баклажан. – Я тебя знаю, Максипес. Ты – гад, но не сволочь. Если Лукомора хочешь расколоть, ты его пресовать будешь. Его, а не меня... Меня ты уже расколол, а как там у тебя с Лукомором будет, я не знаю. Знаю только, что я его не сдам... Я все сказал!

Баклажан согнулся в поясе, склонил голову и затих, как будто выключился.

Максим в раздумье покачал головой, глядя на него. А ведь Вася прав, есть у майора Одинцова понятие о справедливости. Но при этом ему вполне хватит совести дожать его, выпытать правду о Лукоморе. Но что, если вор действительно не давал отмашку на Нефелина? Вася Горников не какой-то там «бык», на нем охранный бизнес, а это серьезное дело. Не исключено, что вор навесил на него и ответственность за платежные терминалы, которые он же и охранял...

На тумбочке у Лукомора зазвонил телефон. Так просто в фанфары бить не будут, значит, что-то случилось.

– Дмитрий Андреевич, тут Максипес образовался, – сообщил Штрих. – Гоблины с ним, из «мусарни».

Витя хорошо знал, кто такой Одинцов. Более того, он сам когда-то наклеил на него кличку Максипес.

– Они что, уху ели?

– Говорит, срочный разговор.

– Что ему надо?

– Просто поговорить... Я сказал, что вы спите, а ему по барабану... Вы же знаете, он не отстанет. Под воротами ночевать останется, но не уедет.

– Коврик ему брось, пусть ночует, – усмехнулся Лукомор.

– Утром он еще злее будет. Как бы спецназ не подтянулся.

– В караулку их проведи, я скоро буду...

Лукомор ненавидел Одинцова. Будь его воля, он бы скрутил ему голову собственными руками. Но, увы, с этим гадом приходилось считаться. Потому и выйдет он к нему на разговор. Начальника ГУВД и на порог бы не пустил, даже днем послал бы его в тухлые дали, а Максипеса среди ночи придется принять...

Он оделся и спустился вниз. Одинцов уже входил в холл.

– Что, Дмитрий Андреевич, не спится? – нахально усмех-

нулся он, останавливаясь возле белоснежного дивана.

Холл огромный, без малого сто квадратов площади, высотой в два этажа. Одинцов должен был потеряться в этом пространстве, но нет, он, казалось, занимал его целиком. Два опера с ним, такие же крепкие на вид, как и Максипес, но эти в глаза не бросались. Хотя ментовским духом от оперов несло не меньше, чем от их начальника.

– Да нет, я – человек, поэтому по ночам сплю. Это псы ночью служат.

– Да, я знаю, есть такие, – усмехнулся Одинцов. – Вас же когда-то с собаками охраняли, да? Думаю, вы еще увидите этих псов.

Лукомор скривился, глядя на незваного гостя. Две ходки за ним, плюс четыре раза под следствием сидел. Из последней такой «командировки» совсем недавно вышел. Максипес ему билет на кичу выписал. Суд мог его под залог выпустить, а Одинцов на принцип пошел, все гад сделал, чтобы меру пресечения не изменили. Так и шлифовал нары, пока дело не развалилось. В принципе ничего страшного не произошло, но капитан Одинцов с тех пор стал его лютым врагом. Впрочем, он и раньше житья не давал, так что его статус практически не изменился.

– А что такое, наглая твоя морда?

– Свои комплименты для себя побереги, – невозмутимо парировал Одинцов. – Они тебе еще пригодятся...

Лукомор обыченно посмотрел на него. Серьезный про-

тивник этот Максипес. И характер у него мощный, и сам он выглядел внушительно. Дубовой прочности голова на сильных покатых плечах, широкое скуластое лицо, раскосые, как у тигра, глаза, нос с горбинкой, в котором просматривалось отдаленное сходство с ястребиным клювом. И голова правильной формы. Даша говорила, что череп у него, как у истинного арийца... Нравился он Даше, но это не мешало ей раз за разом насылать на него смерть. Но не взяла Одинцова пуля, зато Даша уже на этапе. И выйдет очень не скоро...

– Угрожаешь?

– Объясняю. Ситуацию объясняю, – сказал Одинцов. – Чтобы больше ничего такого не было.

– Я тебя не понимаю.

– Стареешь, Дмитрий Андреевич, нюх теряешь. Так и до беды недалеко... Баклажана мы приняли, и Радича, а ты ни сном ни духом. Так и самого себя проспичь.

– Вы?! Баклажана приняли?! – оторопел от удивления Лукомор.

Действительно, почему он об этом не знает? Неужели некому было сообщить об этом? И что такого Баклажан натворил?

– Человека он заказал. Нефелина. Знаешь такого?

Но Лукомор не знал никакого Нефелина, ему нечего было скрывать.

– И что такое?

– Убили Нефелина.

– Баклажан его заказал?

– А ты не в курсе?

– Нет.

– Ты не в курсе, а человека нет. Ты не в курсе, а кто-то из твоих гоблинов еще кого-то заказал. Может быть... Сворачивать надо твою лавочку, Лукомор. Никакой пользы от тебя, один только вред.

– А какая тебе польза нужна? – От волнения у Лукомора пересохло в горле.

– Не нужна от тебя польза. Главное, чтобы вреда не было... И чтобы люди не гибли...

– Ты знаешь, мне беспредел не нужен, – скривился Лукомор.

Ну не было у него никакого желания оправдываться перед ментом. Желания не было, а необходимость заставила.

– Я за тобой слежу, Лукомор. Если что, я твое Лукоморье на дрова пущу. Ты меня знаешь...

Одинцов повернулся к нему спиной и направился к выходу. Опера последовали за ним. Никто из них, казалось, не боялся выстрела в спину, а это запросто можно было организовать. Пруд на заднем дворе большой, глубокий. Да и просто можно в землю закопать... Люди для всего этого есть.

Но не решился Лукомор дать отмашку на ментов. Они ушли, а он еще какое-то время в оцепенении смотрел им вслед.

Глава 7

Тепло в изоляторе, батареи здесь горячие. Только на душе холодно. И казенный дух ее вымораживает, и дурное предчувствие.

Семена обвиняли в убийстве, ему грозил большой срок, вряд ли дадут меньше пятнадцати лет. Да и десять лет – очень много. Катя настраивалась на долгое ожидание, но вряд ли она сможет осилить этот срок. Предчувствие подсказывало, что не сможет...

– Пойми, я его не убивал! – Семен порывисто, но мягко накрыл ее руку своей тяжелой ладонью.

Усатый милиционер в дверях покосился на него, но промолчал.

– Я тебе верю, – вздохнула Катя.

Она уже знала, как уголовный розыск вышел на Семена. Перчатку он потерял, с номером ее телефона. Надо было ей тогда самой записать его номер, позвонить ему. А она заставила его бегать за собой. Так и должна была поступить порядочная девушка, но все равно зря она сама не напросилась тогда на свидание...

Всего три недели как они знакомы, а она уже не представляет жизни без него... Но и в петлю точно не полезет. Смирится с потерей, заглушит в себе боль расставания. И выйдет замуж за Бориса. Не любит она его, но за кого еще выходить,

как не за него? Он хороший, добрый, преданный. И не тошнит от него, как от других...

Катя уже почти уговорила себя принять предложение Бориса, когда в ее жизнь ворвался Семен. Он стал ее первой любовью, еще бы чуть-чуть, и стал бы ее первым мужчиной... Жаль, что этого не произошло.

– Он живой был, когда мы уходили... Его кто-то после нас добил, – горячо проговорил Семен.

– Да, наверное, – кивнула Катя.

– Я не знаю, как это доказать... Мне никто не верит...

– Я верю.

Усатый сержант посмотрел на часы и перевел взгляд на Катю. Все, свидание закончилось, ей пора.

Из изолятора она вышла в холод, но морозный воздух ее почему-то согрел. И на душе стало легче. Казалось, свежий воздух принес ей надежду. Если Семен не убивал, если это сделал кто-то другой, то его выпустят на волю. Может, не сразу, но выпустят. Два-три года за хулиганство – это не срок. И пять лет она выдержит...

– Катя! – донеслось из-за спины.

Она остановилась и обернулась. Взгляд ее тут же погас: это был Борис.

Симпатичный он парень. Правильные черты лица, благородная осанка, спортивная фигура. И одет очень хорошо – дорогое пальто с норковым воротником. Волосы у него хорошо уложены, но, главное, они густые и жесткие, как про-

волока в бутылочном ершике. Он сам говорил, что волосы заменяют ему шапку, настолько хорошо держат тепло. Мороз на улице, а он без шапки. Хотя пальто аккуратно застегнуто и шарф плотно закрывает горло.

– Как ты здесь оказался?

– Мама сказала, куда ты поехала.

Катя сморщила носик, представив недавнюю сцену. Мама была без ума от Бориса и очень переживала, когда она отвергла его ради Семена. Катя привыкла от нее ничего не скрывать и сказала, куда отправилась. Нетрудно было представить, в каком тоне мама отзывалась о Семене. Наверняка назвала его уголовником. И, конечно же, попросила Бориса не отказываться от Кати.

– Как он там? – спросил он, кивком показав на стену с колючей проволокой поверх нее.

– Ничего... хорошего...

– Печально.

– Я его люблю.

Катя не хотела обижать Бориса, просто он должен знать реальное положение вещей. Если хочет продолжать отношения, пусть взвесит все «за» и «против».

– Я знаю, – спокойно проговорил он.

– И всегда буду любить. Ты должен это знать.

– Буду знать... Тебя подвезти? – Борис кивком показал на свой новенький внедорожный «Лексус».

Богатый он жених, чего уж тут говорить. Красивый па-

рень, воспитанный, образованный... Глядя на него, Катя удивлялась самой себе. Она должна была голову потерять от любви, а он ей даже не нравился. Ни холодно от него, ни жарко. Никак.

– Ну, если тебе не противно, – пожалала она плечами.

Он помог ей забраться в машину, сам сел за руль, и внедорожник мягко покотил по заснеженной дороге.

– А почему мне должно быть противно? – нарушил молчание Борис.

– Я люблю другого.

– Это плохо. Но ты живой человек, тебя можно понять.

– Я целовалась с Семеном.

Борис протяжно вздохнул и произнес:

– Я приму любое твоё решение. Но лучше не доводить дело до крайности. Тем более сгоряча.

– Какие крайности? Семен в тюрьме и выйдет не скоро.

– Это не тюрьма. И даже не следственный изолятор. Это изолятор временного содержания.

– А что, есть разница?

– Ну, в какой-то степени. Но для тебя это не имеет значения. Для тебя это тюрьма. Для твоей... – сухо кашлянул Борис, – для твоей любви. За убийство много дают.

– Семен никого не убивал.

– Да, конечно.

– Он правда не убивал. И я ему верю.

– А я юрист и верю только фактам.

Борис оканчивал юридическую академию, но работать пошел на мебельную фабрику, сразу на должность заместителя генерального директора. Фабрика крупная, должность серьезная, но вряд ли кто задавал вопрос, почему Борису была оказана столь высокая честь. Фабрика принадлежала его отцу – вот и весь секрет.

– Да, Семен преступник, но не убийца. Он должен был всего лишь избить потерпевшего.

– Всего лишь?

– Всего лишь – это по сравнению с убийством. Потерпевший был живой, когда Семен уходил. Кто-то другой его добил.

– Кто?

– Семен не знает.

– Он фантазирует.

– Все у тебя фантазеры! – устало махнула рукой Катя.

– Жизнь сама по себе фантастическая штука... Если есть человек, которого очень любишь. Это я о тебе, – улыбнулся Борис, глянув на ее отражение в лобовом стекле.

– Я и люблю. Но не тебя... Мы не можем быть вместе.

– Не можем, – кивнул он. – Но будем.

– И кто так решил?

– Я не могу сказать, фантазирует Семен или нет, но попробую ему помочь. Адвокатская практика у меня была, но в адвокаты я набиваться не стану. Попробую разобраться, как там все на самом деле было. Может, он действительно не

убивал. Всякое в жизни бывает, – пожал плечами Борис.

– А если не убивал? – с надеждой посмотрела на него Катя.

– Попробуем найти настоящего убийцу. Тогда твой Семен выйдет на свободу.

– И я выйду за него замуж. Зачем тогда ты будешь ему помогать?

Борис, казалось, не слышал ее, внимательно глядя на дорогу.

– Все, я поняла. Ты хочешь взять с меня слово. Если вытащишь Семена, я должна буду выйти замуж за тебя.

– Не надо никакого слова.

– Тогда что?

– Всего лишь условие. Ты должна будешь помогать мне. Милицию я беру на себя, а по адресам будем ходить вместе.

– По каким адресам?

– Свидетели, Катя, свидетели. Если кто-то кого-то там добивал, то этого кого-то должны были видеть.

– А если не видели?

– Если не видели, то сидеть твоему... то сидеть Семену и сидеть. И тут моей вины не будет.

– А кто-то тебя в чем-то винит?

– Никто. Но это пока. Все начнется, когда ты выйдешь за меня замуж. А ты выйдешь за меня, можешь в этом не сомневаться.

– Ну, ты и... – Катя осеклась.

Борис, конечно, нахал, но это его право – надеяться на

лучшее. Как она может отказать ему в этом праве? И вообще он очень хороший. И ей не хотелось его обижать.

Глава 8

Походка расслабленная, а шаг твердый, уверенный. На губах добродушная улыбка, но взгляд жесткий, цепкий. И парень сам по себе рослый, плотный, и движения у него как у хорошо тренированного человека. Вряд ли он обычный мент, скорее всего опер.

Но для опера этот парень был слишком хорошо одет. Куртка у него неброская, но дорогая, наверняка брендовая. И джинсы с виду самые обычные, но наметанный взгляд может разглядеть в них прошлогоднюю коллекцию от Армани. И в ботинках угадывался стиль...

Парень шел прямо на Бориса. Вот он достал из кармана ключи от машины, нажал на кнопку, и с легким писком разблокировались замки стоящего рядом «Гранд Чероки». Машина не самая новая, но дорогая, с мощным бензиновым двигателем... Нет, этот парень не может быть опером.

Борис потерял к нему интерес, но сам попал под прицел цепких глаз. Парень подошел к нему и спросил:

– Вы что-то хотели?

А взгляд у него ментовской, иначе бы он и не заметил проявленный к нему интерес.

– Да вот смотрю на вас и не могу понять, опер вы или просто посетитель, – кивнул Борис на здание ГУВД.

– А если опер?

– Ну, есть один вопрос.

– По поводу? – Парень улыбался, но смотрел жестко, напористо. Взгляд его не предвещал ничего хорошего.

– Если вы не работаете здесь, то и говорить не о чем.

Парень кивнул, достал из куртки удостоверение и развернул его:

– Старший лейтенант Кустарев, оперуполномоченный уголовного розыска.

– Григорий Александрович, – успел прочитать Борис.

– Я вас слушаю. – Старлей свел руки за спину и чуть покачнулся на слегка разведенных ногах.

– Меня интересует гражданин Вербинский.

– А по какому вопросу? – Взгляд Кустарева стал еще жестче, улыбка с лица исчезла.

– По личному. Я представляю девушку Вербинского. Ее зовут Катя, фамилия Лемешева.

– Допустим.

– Катя считает, что Вербинский не виноват. И сам он говорит, что не убивал человека, в убийстве которого его обвиняют... В общем, мужчину мог кто-то другой добить.

– Да, и этот другой сидел в машине с женщиной, – усмехнулся старлей. – После того как Вербинский с подельником ушли, он вышел из машины и добил потерпевшего.

Борис растерялся. Он был уверен, что Семен убил человека, но ему хотелось провести по его следу Катю. Она должна была побывать на месте преступления, поговорить с женой

покойного, увидеть его детей, прочувствовать всю глубину горя, которую принес в эту семью Вербинский, и понять, в какое чудовище влюбилась. Понять и отказаться от него... И вдруг выясняется, что Вербинский не убийца. Это удар ниже пояса...

– Да нет, это всего лишь домыслы. Угадай чьи? – усмехнулся старлей.

– Вербинского? – облегченно вздохнул Борис.

– Ужом вьется. Только у нас сковородка с высокими бортами, не выскочишь. Хочешь попробовать? – вкрадчиво глядя ему в глаза, спросил Кустарев.

– Я?! – встрепенулся Борис.

– Если ты от Лукомора, мой тебе совет: беги отсюда, пока цел.

– От какого Лукомора?

– А ты не знаешь?

– Боюсь, что я не из этой сказки.

– А из какой?

– Из Москвы я.

– Сами мы не местные? А вот Катя местная.

– Она у меня работает. Я заместитель директора мебельной фабрики, у нас салон при фабрике, там она работает.

– Заместитель директора? – Если Кустарев и поверил ему, то не очень.

– Вот! – Сначала Борис вручил ему визитку, затем показал водительские права.

- Мебельная фабрика «Рубикон»... Серьезное предприятие, – рассматривая права, кивнул опер.
- Да, представительства практически во всех регионах страны.
- Двадцать четыре года, и уже замдиректора.
- Отцовская фабрика.
- Знакомая ситуация... Значит, Вербинского вытащить хочешь?
- Ну а вдруг он не виноват?
- Странно все как-то... – Кустарев смотрел куда-то в сторону, но Борис буквально чувствовал его взгляд на себе. – Катя работает на тебя, а ты ее представляешь... Личный вопрос, говоришь?
- Я говорю?
- А разве нет? – удивленно вскинул брови старлей.
- Ну да, ну да, – вспомнил Борис. – Личный вопрос, было такое.
- Личный вопрос хочет вернуть Вербинского? А тебе это нужно?
- Катя не верит, что Вербинский убивал. Я хочу, чтобы она поверила.
- Теперь понятно, – кивнул Кустарев. – Где Катя?
- В машине, – показал Борис в сторону контрольно-пропускного пункта, за которым стоял его «Лексус».
- Даже не знаю, что сказать... Я работал по этому делу, опрашивал жильцов дома, возле которого... э-э... отличился

Вербинский. Не скажу, что опросил всех, далеко не всех, – задумчиво проговорил старлей.

– Почему?

– А потому, что нашелся свидетель, который видел Вербинского. Он его уже опознал. Работу, разумеется, свернули... А может, кто-то и видел человека, который добил потерпевшего...

– А был такой человек?

– А вдруг? Вербинский не бил потерпевшего в кадык. И его подельник тоже не бил.

– Ну, это они так говорят...

– Говорят. Независимо друг от друга говорят. И показания сходятся в точности.

– Ну, они могли договориться заранее.

– Могли, – с интересом взглянув на Бориса, согласился Кустарев. – И возможность у них для этого была. И договор был – не сдавать друг друга. Поэтому и не рассматривается версия с третьей стороной дела. Вербинский за убийство отвечать будет... А вдруг все-таки был добивающий?

– Но ты же в это не веришь.

– Не верю. А сомнения есть... И желание есть – пройтись по адресам. Вдруг кто-то что-то видел...

– Я сам собирался пройтись.

– Зачем?

– Ну, чтобы Катя убедилась.

– Я смотрю, ты настроен решительно, замдиректора, – по-

кровительственно усмехнулся Кустарев.

– Очень.

– Ну да, Катя красивая девушка, не вопрос. Я тебя понимаю...

– Могу составить тебе компанию.

– Без полномочий нельзя.

– Я представляюсь адвокатом Вербинского. Практика у меня есть. Я юридическую академию оканчивал, Кутафина.

– И у меня юридическая академия. И отец у меня в большом бизнесе. Я бы тоже мог быть сейчас замдиректора. Но я здесь, и мне нравится...

– Может, и мне понравится?

Кустарев улыбнулся, не размыкая губ, и протянул Борису руку. Дескать, дерзай, парень.

– Кстати, мне тоже двадцать четыре, – замысловато усмехнулся он.

– У нас много общего.

– Даже больше, чем ты думаешь. Я тоже в Катю Лемешеву влюблен.

Борис остолбенело уставился на опера. Парень он симпатичный, с крепким стержнем внутри. Девчонкам такие типажи нравятся... Только конкурентов ему сейчас не хватало.

– Шучу, – широко улыбнулся Кустарев, обнажая белые ровные зубы, и легонько шлепнул его ладонью по плечу.

– Ну, в Катю трудно не влюбиться, – успокаивая дыхание, проговорил Борис.

Старлей поднял правую руку, отвел рукав куртки, глянул на часы.

– Если есть желание, можно съездить на Смоленскую прямо сейчас.

– Есть желание, – кивнул Борис. – И намерение.

– Ну, тогда за мной, – Кустарев кивком показал на свою машину.

Борис озадаченно ущипнул себя за кончик носа. Может, зря он ввязался в это дело? Что, если Семен Вербинский действительно не виновен в убийстве?

Глава 9

Настоящий шашлык не должен пахнуть уксусом. Но именно этот запах пьянит воображение – особенно зимой, когда не хватает солнца и зелени. Запах замаринованного в уксусе мяса казался сейчас предвестником весны, с ее пикниками на природе.

Максим легко переносил зиму, его не злили морозы, но все-таки хотелось тепла. Скорей бы уже наступила весна.

Жареное мясо пахло очень хорошо, но вкус, увы, оставлял желать лучшего. Чересчур жирное, чуть пересоленное, но на голодный желудок есть можно. Да и не в ресторане они, а в обычном придорожном кафе.

И Юра Ожогин не морщил нос. Челюсти у него сильные, зубы острые, желудок такой, что гвозди переварит, во всяком случае, так он говорил. Старшего лейтенанта ему на днях присвоили, хотя по возрасту он мог уже в майорских погонах щеголять. Юра в Чечне воевал, в том числе и по контракту, потом в ОМОНе в звании прапорщика служил, затем ему младшего лейтенанта присвоили. В двадцать восемь лет в уголовный розыск перешел, вторую звездочку на погон получил. Хороший он парень, надежный. Осторожный, продуманный, на риск идет с опаской, но трусом его никак не назовешь. Отличный боец, выдержанный, спокойный, бесконфликтный, слова лишнего не скажет.

Максим тоже с младшего лейтенанта начинал. В двадцать семь лет первое офицерское звание получил. Весной тридцать семь лет будет, а ему только-только майора присвоили...

В кафе зашел плотного телосложения кривоносый мужчина в стильном кашемировом полупальто черного цвета. Мороз на улице, а он без головного убора. Вслед за ним зашли два здоровяка в таких же полупальто. Как будто это у них униформа такая... И не как будто...

Мужчина подошел к Максиму, остановился у столика и официальным тоном осведомился:

– Майор Одинцов?

Максим взглянул на Ожогина, и тот кивнул. При малейшей опасности они начинают вырубать этих типов. Максим начинает со старшего, а Юра занимается его свитой – кто там первый на очереди, он решит сам.

– Допустим.

– С вами желает поговорить господин Никиткин.

– Улица Гастелло, двадцать четыре, отдел уголовного розыска. В любое удобное время. В строго ограниченном промежутке. Прием граждан по личным вопросам – завтра, с пятнадцати до восемнадцати.

– Леонид Афанасьевич желает поговорить с вами прямо сейчас.

– Я обедаю.

– Он подождет в машине.

Максим и ухом не повел.

– У него для вас, товарищ майор, имеется важное сообщение, – сказал кривоносый.

Только тогда Одинцов кивнул, соглашаясь на срочный разговор. Никиткин, он же Фраер, человек в городе известный и влиятельный, реальный противовес Лукомору. И если у него есть что сказать, Максим должен его выслушать. Глупо игнорировать такого человека.

Он неторопливо покончил со вторым блюдом, без всякой спешки выпил горячий кофе и только тогда вышел из кафе, на стоянке перед которым стояли три черных «Гелендвагена». Номера на машинах впечатляли – 001, 002, 003. Джипы стояли строго по порядку, но непонятно, в какой машине находился Никиткин. И Максиму непонятно, и киллеру, который мог охотиться за Фраером. Попробуй угадай, под каким «наперстком» «шарик».

Возле машин стояли телохранители. Кривоносый подошел к Максиму, кивком показал на первую машину и открыл заднюю дверцу.

Ожогин остался на свежем воздухе. Во-первых, его к разговору не приглашали, а во-вторых, кто-то должен был контролировать ситуацию извне. Юра все понимал, поэтому занял место на безопасном удалении от телохранителей.

Никиткин поприветствовал Одинцова кивком головы, но руки не подал. Для этого ему нужно было как минимум повернуться к Максиму спиной, а расположение заднего сиде-

нья стесняло движения. Да и не очень-то хотел Фраер жать руку какому-то там менту. Нестыковка в уровнях...

Не похож был Фраер на классического бандитского авторитета. И черты его лица для этого слишком правильные и мягкие, и сам он к тому не стремился. Если он и авторитет, то новой волны. Его власть строилась на деньгах и серьезном статусе в мире деловых людей. Само его высокое положение в обществе предполагало силу, смелость и волю к победе. Ему вовсе не обязательно было иметь угрожающую внешность, чтобы управлять своими людьми, направляя их деятельность в нужное русло. В том числе и криминальную деятельность. Совсем не обязательно казаться жестоким и беспощадным, достаточно быть таковым на самом деле.

Максим нажал на кнопку электропривода, опустил боковое стекло и достал из кармана пачку сигарет.

– Не бережете вы свое здоровье, товарищ майор, – не поворачивая к нему головы, заметил Никиткин.

Не внушительной он внешности, прямо говоря, но его внутренняя сила передавалась через голос – густой, объемный, с легкостью заполняющий пространство без всякого напора. И взгляд у Фраера тяжелый, гнетущий, говорящий о внутренней силе. Не зря Никиткин держался с Лукомором на равных...

– Настоящий опер должен гореть на службе, – пошутил Максим.

– Ну да, если опер начинает заботиться о своем здоровье,

значит, ему пора на пенсию, – скупое улыбнулся Никиткин.

– Рано мне на пенсию, дел еще много.

– Например?

– Да есть у нас люди, которые себя над законом ставят.

– Такие люди были, есть и всегда будут. Закон природы – кто сильней, тот и прав.

– Тот и прав, – кивнул Максим. – Кто сильней закона. Но не всем это по зубам.

– Закон что дышло...

– Вы хотите об этом поговорить?

– Нет, у меня к вам конкретный разговор. Я слышал, вы работаете по убийству Нефелина.

– Мы закончили, дальше – следователь.

– На заказчика вышли?

– Не буду этого отрицать...

– Крупную рыбу взяли. Но не главную.

– Вы что-то хотели мне сказать, – напомнил Максим, глянув на часы. Нет у него времени на пустопорожние разговоры.

– Нефелина заказал господин Елецкий, – с каменным лицом произнес Никиткин.

– У вас есть доказательства?

Максим уже общался с Лукомором на эту тему, для чего не постеснялся вломиться к нему в дом среди ночи. Не нашел он признаков, что вор знал о Нефелине, но и о ночном визите не жалел. Профилактика правонарушений – святая

обязанность начальника уголовного розыска. Это применимо и к Фраеру...

– А если есть?

– Тогда Елецкий сядет.

– Нужно найти доказательства.

– Пустой разговор, – покачал головой Максим.

– Пустой бывает машина. В базовой комплектации. А если это еще старая «девятка»... Вы могли бы ездить на «БМВ» или «XS». Как вам такой вариант?

– И машина бывает пустой, и разговор... Если вам нечего мне предложить, вынужден извиниться. – Максим взялся за ручку двери и вышел из машины, чувствуя на себе удивленный взгляд.

Похоже, Никиткин всерьез возомнил себя крутым гангстером современной эпохи. Влез в криминальный мир Бочарова, расширил свой бизнес за счет городского бюджета, раздулся сам, потеснив самого Лукомора. Срастил свои капиталы с административным ресурсом, поднялся на этом и дальше идет. О том, что городской глава – его человек, известно давно. Но, похоже, он поставил в зависимость от себя и начальника ГУВД. Были у Максима подозрения насчет полковника Санькова, хотя вслух он их ни перед кем не озвучивал.

Но если Фраер смог купить полковника Санькова, это не значит, что и майор Одинцов ему по карману. И по зубам. Так что пусть гуляет...

Максим сел в свою раздолбанную «девятку», дождался, когда к нему присоединится Ожогин, и спокойно отправился в управление.

– Чего Никиткин хотел? – спросил Юра.

– На вшивость нас проверить.

– В смысле?

– А в смысле, что машина могла завшиветь, – легонько хлопнул по рулю Максим. – «Жучка» посадить могли. Или «маячка»...

Он не стал рассказывать Ожогину, о чем говорил с Фраером. Юра парень не болтливый, но вдруг сорвется с языка? Никто из посторонних не должен узнать, что Никиткин замахнулся на Лукомора. Криминальная война – это крайность, которую Одинцов, как начальник уголовного розыска, не должен был допустить. Собирай потом трупы по городу, да и по репутации будет нанесен удар. Еще и самому можно в переплет попасть, а пуля она, как известно, дура...

Не успел он зайти в свой кабинет, как появился Кустарев. Взгляд серьезный, важный, но при этом ему приходилось делать над собой усилие, чтобы сдержать ликующую улыбку. Верный признак, что в зубах у него сахарная кость...

– Что-то нарыл? – спросил Максим, включая чайник.

– Типа того. По делу Нефелина.

Максим выразительно повел бровью. Интересно, кто ставил ему задачу работать по этому делу? Что, если Никиткин уполномочил? На деньги Кустарев не поведется, тут без со-

мнений. Но у него есть отец, у которого своя строительная фирма. И у Фраера очень серьезные интересы в этой сфере. Может, у них с Александром Германовичем вась-вась? А может, напротив, конфликт интересов, который можно было сгладить за счет Кустарева-младшего... Чего только в жизни не бывает.

– Мужика нашел. Не поверите: он по соседству с Кацуоровым живет...

– И что тут удивительного? – не понял Максим.

– Ну, Кацуоров домой возвращался, а Лазарев, наоборот, уезжал. Вчера только из командировки вернулся. Он, когда со двора выезжал, обратил внимание на двоих мужчин. Один другому помогал подниматься. Он думал, что это пьяные какие-то. Тот, который поднялся, снова упал. То ли сам упал, то ли его ударили...

– Кто ударил?

– Тот, кто поднимал.

– В какое время это было?

– Ну, где-то в половине одиннадцатого. По времени в принципе сходится. И место то же самое.

– Лазарев? – уточнил Одинцов.

– Лазарев, – кивнул Кустарев.

– Он видел, как один мужчина ударил другого?

– Он не может сказать точно. Темно было, да и машина ехала. Но, кажется, какое-то резкое движение было...

– Может, Вербинский вернулся, чтобы Нефелина добить?

Или Фомин...

– Зачем? Не было у них задачи добивать. Да и не принял бы Нефелин от него помощь...

– А он принял помощь?

– Ну, во всяком случае, не сопротивлялся. А он карате занимался. Спортивный мужик. И Вербинский говорит, что схлопотал от него.

– Говорит, – кивнул Максим.

– И еще он говорит, что Нефелина добить могли.

– Глаза у него были открыты. Ты помнишь его глаза? – Максим смотрел на Гришу, а обращался к самому себе.

– Так в том-то и дело. Он с открытыми глазами умер. Практически мгновенно. А Вербинского и Фомина уродами назвал. И тот это подтверждает, и другой... Они, конечно, могли договориться...

– Меня смущает не только это, – покачал головой Одинцов. – Есть еще один момент. Может, это показалось только мне. Удивление у него в глазах было. Так бывает, когда убивает свой в доску человек...

– Ну, врать не буду, – вздохнул Кустарев. – Мне так не показалось...

– А мне показалось. Может, всего лишь показалось... Ты вот говоришь, Нефелин помощь принял. А я скажу, что он мог принять помощь от знакомого. Поднялся и получил коварный удар в горло... Не от Вербинского получил и не от Фомина... Сам понимаешь, это только предположение.

– Ваше предположение, Максим Львович, – кивнул Гриша. – Ваше предположение, которое усиливает мою версию... Прав был Вербинский: кто-то добил Нефелина...

– И что нам теперь делать? Искать эту «черную кошку»?

– Ну, не знаю...

– А зачем ты Лазарева нашел? Кому это нужно? Тебе?

– Ну, и мне тоже. – Кустарев не ступал под пытливым взглядом.

– А еще кому?

– Кате Лемешевой.

– Что-то я не совсем понимаю.

– Да тут ситуация, – усмехнулся Кустарев. – Из серии «на-рочно не придумаешь». Лемешева любит Вербинского, а ее саму любит другой парень. Катя считает, что Вербинский не виноват, а отвергнутый Ромео хочет убедить ее в обратном. Он ко мне обратился, чтобы я ему в этом помог... Ну, я и помог, нашел свидетеля, на которого Вербинский теперь должен молиться. Весело будет, если он окажется невиновным. Ромео будет весело... А парень в принципе неплохой. Положительный и при деньгах. Такой в историю не впутается. А Вербинский впутался. И еще впутается... ну, если выйдет сухим из воды... Кате лучше с Ромео, чем с этим... Но если Вербинский не убивал, то Катя будет с ним... А он, возможно, не убивал...

– Предлагаешь найти «черную кошку»?

– Ну, это время, – пожал плечами Гриша. – Правда, истина

дороже.

– Истина дороже, – кивнул Одинцов.

Были у него сомнения насчет Вербинского и Фомина, но рвать жилы из-за них не очень-то хотелось. Да и показатели портить нежелательно. Как-никак дело раскрыто, «палка» в графу раскрываемости уже на подходе. И совесть Максима мучить не должна. Если Фомин и Вербинский не убивали, назвать их совсем не виновными язык не повернется. Они напали на человека, жестоко избили его. И если не убили, то запросто могли это сделать. Парни они здоровые, удары у них убойные. Селезенку Нефелину порвали, два ребра сломали.

И все же, наверное, придется выводить расследование на новый виток. И свидетель нашелся, и Никиткин объявил о своих намерениях. Лукомора он хочет подставить под удар, доказательства его вины ищет. У Максима он понимания не нашел, но это не мешает ему обратиться к тому же Санькову. Или к начальнику следственного отдела при прокуратуре, или еще к кому-то. Нажмут на Баклажана, заставят оговорить Лукомора и переведут вора на казенный паек...

Лукомор еще та сволочь, но так и Фраер не лучше. Ни тому полную волю давать нельзя, ни другому, а раз так, то нужно сохранить существующий баланс сил...

Глава 10

Погибнуть от руки убийцы – не грех. Но хоронят невинно убиенного с нарушением церковных канонов – не на третий день...

Нефелина хоронили на девятый день. Городское кладбище, два метра в мерзлой земле, лакированный гроб, множество людей. Кто-то искренне скорбит, кто-то лишь делает лицо.

К вдове никаких претензий. Глядя на Елену Владиславовну, Максим ничуть не сомневался в искренности ее чувств. Она стояла неподвижно, прижимая к себе одиннадцатилетнего сына. В лице ни кровинки, глаза красные от слез.

Максим не находил удовольствия в мероприятиях подобного рода, но не упустил возможности побывать на похоронах потерпевшего. В случае с Нефелиным преступник мог прийти проводить свою жертву в последний путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.